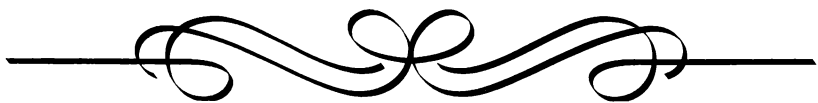

Глава VII

*Династический
кризис 1553 года.
События внутренней
и военной политики,
прибытие англичан*

Триумфально возвратясь из Казани поздней осенью 1552 года в Москву, Иван вернулся к вопросам внутренней политики. Однако произошедшее в начале 1553 года событие породило в нем подозрение о назревающей среди бояр измене. События, согласно первоначальной версии, зафиксированной в летописях¹, развивались следующим образом. 1 марта 1553 года, на следующий день после крещения татарского хана Симеона Казанского, Иван тяжело заболел неизвестной лихорадкой. Временами он терял сознание, временами бредил, и окружающие опасались за его жизнь. Его единственному сыну Дмитрию едва исполнилось шесть месяцев, и он еще не вышел из пеленок. Перед членами царского двора остро встал вопрос о наследовании. Если бы на трон взошел младенец, неизбежно появился бы и регент, и временами Иван чувствовал себя так плохо, что уже готов был назначить последнего. В том случае если наследником становился маленький царевич, власть должна была сконцентрироваться в руках родственников царицы Захарьиных-Юрьевых, так как брат Ивана Юрий был неспособен к управлению. Следует помнить, что право первородства только недавно установилось на Руси (как и в Литве), и для такой уязвимой страны, как Россия, было бы гораздо полезнее, чтобы ею управлял взрослый государь, обладающий непререкаемым авторитетом и способный командовать войском.

Мнения двора разошлись по нескольким линиям водораздела: часть придворных признавала нерушимое право младенца Дмитрия унаследовать престол. В основном это были родичи царицы из клана Захарьиных-Юрьевых и их приверженцы, которые могли рассчитывать на то, что при Дмитрии им удастся добиться главенствующего положения при дворе, новых почестей и богатств. Однако некоторые влиятельные бояре помнили времена Иванова детства и считали, что повторять опыт правления малолетнего царя не стоит. Не желая допустить усиления и возвышения Захарьиных, они склонялись к кандидатуре Владимира Старицкого, двоюродного брата и единственного взрослого родственника Ивана мужского пола. Получив власть, он не забыл бы о тех, кто его поддерживал. К тому же Владимиру было всего семнадцать лет, и считалось, что он не блещет дарованиями, так что его сторонники из бояр могли бы проводить угодную им политику. Правда, существовал и фактор непредсказуемости в лице его честолюбивой и зловещей матери. Наконец, имелся ряд влиятельных придворных, которые придерживались принципа первородства и оставались, хотя и без особого энтузиазма, на стороне младенца Дмитрия.

Болезнь Ивана так обострилась, что к нему обратился высокопоставленный дьяк Иван Михайлович Висковатый (в дальнейшем мы еще встретимся с ним) с просьбой составить завещание. Такое завещание, назначающее опекунов Дмитрия, было, несомненно, написано, но никаких его следов не сохранилось, так же как не сохранилось и летописных упоминаний о его содержании. Удивительно, что за все время болезни Ивана ни разу не упоминается о присутствии митрополита Макария или духовника царя Андрея², хотя исповедник обычно всегда находился у смертного одра больного, а митрополит был царским душеприказчиком.

Рассказы о дальнейшем ходе событий различаются между собой в зависимости от того, кто был их автором и когда они были изложены. В основной летописи, как и в более поздней летописи, через много лет после современной записи были сделаны существенные добавления; общепризнанным считается, что эти вставки были продиктованы самим Иваном или внесены с его одобрения³. Согласно этой отредактированной версии, в какой-то момент Иван нашел в себе достаточно сил, чтобы потребовать от придворных принести клятву верности его сыну и наследнику и таким образом покончить с разногласиями. В день

подписания завещания царь, уже несколько оправившийся от болезни, собственной персоной заставил нескольких влиятельных бояр целовать крест в знак присяги; это были, возможно, те бояре, которых он упомянул в завещании⁴. Будучи слишком слаб, чтобы продолжать церемонию, Иван приказал принять присягу бояр князьям И.Ф. Милославскому и В.И. Воротынскому (которые уже принесли свои клятвы), в то время как дьяк Иван Михайлович Висковатый держал крест.

Обстоятельства представляются очень запутанными. Клятву верности обычно приносили живому и здоровому великому князю в его присутствии, а не будущему наследнику, о чем и высказался князь И.М. Шуйский⁵. На следующий день бояре отказались приносить присягу младенцу, который в любой момент мог погибнуть. Сам Иван, по-видимому, сознавал, что, если он умрет, у Захарьиных не хватит сил и сторонников даже для защиты Анастасии и ее сына, и в более поздних летописных вставках говорится, что царь советовал преданным боярам, накануне принесшим присягу его сыну, бежать вместе с младенцем-наследником за границу, куда Бог пошлет, ради их безопасности. В 1564 году Иван обвинял бояр во главе с Сильвестром и Адашевым, что они *«младенца же нашего, еже от бога данного нам, хотеша подобно Ирогу погубити ... воцарив князя Володимера»*⁶.

На самом деле Сильвестр играл в этих событиях весьма скромную роль. Однако позднее, в интерполяциях, сделанных в летописях под руководством Ивана, он осуждает Сильвестра как одного из главных заговорщиков на стороне Владимира, и в дальнейшем историки стали воспроизводить очень слабо обоснованные обвинения против Сильвестра в том, что он добивался у царя возврата Владимиру его удела, дружил с матерью Владимира, княгиней Ефросиньей, и принадлежал к его «партии»⁷.

Когда от Владимира потребовали принесения клятвы, он уклонился; тогда Иван удалился в свою комнату со словами: *«Ты хорошо знаешь, если ты не хочешь целовать крест, это будет на твоей совести, а что из этого выйдет, меня не касается»*. После этих слов несколько бояр сказали, что они не допустят Владимира Старицкого к царю, пока он не принесет присяги, а княгиня Ефросинья еще подлила масла в огонь, заметив, что клятва, вырванная силой, ничего не стоит. Позднее мать и сына обвинили в том, что они вызвали свою вооруженную свиту и раздавали своим сторонникам деньги⁸. 12 марта Владимир неохотно принес присягу (ее текст сохранился), и после этого Сильвестр высту-

пил с обращением к боярам: *«Почему вы не допускаете его (Владимира) к царю, он желает ему добра ... и с тех пор между Сильвестром и боярами началась вражда»*⁹. Это единственное реальное свидетельство об отношении Сильвестра к Владимиру и его притязаниям на трон; все прочие прибавления являются лишь гипотезами.

Федор Адашев, отец Иванова любимца Алексея, но все еще не боярин, выразил сомнения некоторых бояр, заявив царю: *«Мы станем целовать крест тебе, Государь, и твоему сыну, царевичу Дмитрию, но не будем служить Захарьиным; твой сын еще в пленках, и мы уже повидали от бояр столько бед, пока ты не вошел в возраст»*. Эти слова свидетельствуют не о том, что Федор Адашев хотел видеть наследником Владимира Старицкого, а только о том, что он ожидал от царя назначения достаточно могущественного регента, чтобы предотвратить захват Захарьиными власти. Алексей Адашев принес присягу в первый день. Таким образом, возникает вопрос: имелись ли в первоначальном летописном рассказе сведения о существовании боярского заговора с целью возвести на трон Владимира? Или идея заговора стала оформляться годы спустя, когда Иван занялся переписыванием истории?¹⁰ И кто принимал в этом заговоре участие?

Представляется очевидным, что болезнь Ивана вызвала в определенный момент хаос и растерянность при дворе, так что в разговорах между взбудораженными боярами, вспоминавшими прежние бесчинства, в опрометчивости было высказано много неосторожных слов¹¹.

В числе этих бояр находился князь Семен Лобанов-Ростовский, чье высказывание передал Ивану один из главных персонажей при дворе, конюший Иван Петрович Федоров-Челяднин (о котором мы еще услышим)¹².

Кризис продолжался двенадцать дней, однако все бояре были приведены к присяге, и в конце концов пойти на этот шаг был вынужден и Владимир Старицкий, как и его мать княгиня Ефросинья¹³.

Исследователь карьеры Ивана Висковатого проливает некоторый свет на эти смутные события. Он указывает, что из двенадцати советников, первыми принесших присягу, семь были тесно связаны с наследником престола и еще трое принадлежали к клану Захарьиных, то есть к семье царицы. По мнению этого историка, колебания князя И.М. Шуйского или Федора Адашева вряд ли были вызваны скрытыми партийными пристрастиями, а скорее действительными отличиями в их политической ориентации.¹⁴

Неважно, как в последующие годы сложилась судьба тех лиц, которые якобы принимали участие в заговоре против Дмитрия, хотя, разумеется, можно допустить, что Иван, который бывал и лукав, и злопамятен, до поры до времени скрывал свои истинные чувства к окружающим. Федор Адашев был возведен в чин боярина в 1555 году; Алексей Адашев, по некоторым сведениям, в 1553 году имевший звание *думного дворянина*¹⁵, в 1555 получил должность окольного, бывшую ступенью к боярскому чину (которого он никогда не достиг). Двенадцать князей, бояр и думных дьяков, которых называют в числе принесших присягу Дмитрию в первый день, постоянно фигурируют в записях царского окружения, и соответственно предполагается, что они являлись членами немногочисленного неофициального Тайного совета. В 1554 году мы встречаем здесь тех же лиц, за исключением одного¹⁶. Из-за своего поведения во время царского недуга никто не пострадал.

Тем не менее в первом письме к князю А.М. Курбскому (от 5 июля 1564 года) Иван изливает всю свою злобу на тех, кто, как он теперь подозревает, предал его. Он обвиняет их в «пьяном» мятеже, возглавленном Сильвестром и Адашевым, в намерении погубить его сына, ибо *«царь царю не кланяется, но когда огин умирает, грутой принимает власть»*.

Иван поправился, но Сильвестр и Адашев продолжали *«жесточайше притеснять нас и давать злые советы ... во всем потакали князю Владимиру»*¹⁷.

Русские ученые посвятили бесчисленное множество исследований авторству и датировке вставок в летописи, но гораздо меньше внимания уделили вопросу о том, насколько верно эти вставки отражают события, происходившие во время и после болезни Ивана. Анализ, проделанный одним из историков (И. Гралея) в написанной им биографии дьяка Висковатого, отличается здравым смыслом. Он указывает, что только трое из бояр, присутствовавших у постели Ивана, уклонялись от принесения клятвы Дмитрию, а именно князь Иван Турунтай-Пронский, князь Петр Щенятев и князь Семен Лобанов-Ростовский. Первый имел отношение к дому Владимира Старицкого, второй (Патрикеев) происходил из Литвы, а третий (Ростовский) принадлежал к суздальским князьям и стал боярином в 1553 году. Суздальские князья считали себя самыми родовитыми среди Рюриковичей и отказывались служить Захарьиным, если те будут назначены регентами при Дмитрии¹⁸. Таким образом, всех этих людей можно назвать естественными соперниками Захарьиных в

борьбе за власть и, следовательно, наименее надежными сторонниками царя. Все эти словопрения скрывают под собой, вероятно, разногласия по вековечному российскому конфликту между принципом прямого наследования (от отца к сыну) и наследования по боковой линии (от старшего к следующему брату), конфликту, в котором правители, особенно начиная с Василия III, все больше и больше склонялись к закреплению принципа прямого наследования родовых прав. Вероятно также, что многие бояре сознавали выгоду этого принципа с точки зрения династической преемственности.

В конце концов, Иван выздоровел и отправился на богомолье в далекий Кирилло-Белозерский монастырь, чтобы воздать Богу за свое излечение, в сопровождении царицы, своих домашних, Алексея Адашева, князя А.М. Курбского и других придворных. Для Ивана это была еще и возможность отвлечься от придворной жизни и отдохнуть в безмятежной атмосфере монашеской жизни, где он чувствовал себя спокойно. По пути он посетил в Троицком монастыре Максима Грека, который во время этой, вероятно, их единственной встречи предостерегал царя от поездки на Белое озеро, опасаясь за жизнь его сына в условиях трудного путешествия¹⁹.

Так и случилось. Сходни судна, на котором они плыли, перевернулись, нянька уронила ребенка в воду, и он утонул*. Без сомнения, это была тяжелая личная утрата для Ивана и удар по его династическим планам. Теперь единственным наследником престола становился Владимир Старицкий, но, к счастью, Анастасия вскоре снова зачала. Ее второй сын, Иван Иванович, родился в марте 1554 года, и царь Иван воспользовался этим упрочением своего положения, чтобы заставить Владимира Старицкого принести новую и гораздо более пространную клятву верности его сыну и всем другим наследникам, которые могут у него появиться, включающую обязательство доносить на всех, кто замышляет заговор против царя, даже на собственную мать. Владимир должен был постоянно пребывать в Москве со свитой не более чем из 108 вооруженных людей и воздерживаться от вербовки на свою сторону служилых дворян и дьяков, за что отвечали многочисленные поручители²⁰. Однако Иван не простил Владимира и не забыл о тех беспорядках, которые возникли во время его болезни.

* По другой версии ребенок простудился в холодной воде и умер позднее.

В июне 1553 года Сильвестр и дьяк Иван Висковатый оказались втянуты в довольно-таки запутанный спор по поводу взглядов обвиненных в ереси (возможно, антитринитарного толка) дворянина Матвея Башкина и холопа Феодосия Косого. В октябре он дополнился доносом Висковатого по поводу якобы неортодоксального и даже еретического характера нескольких икон, отреставрированных под общим руководством Сильвестра в Благовещенском соборе после пожара 1547 года. Свои еретические воззрения Башкин изложил исповедовавшему его духовнику Симеону, который сообщил о них Сильвестру, а затем оба донесли об этом царю, приказавшему произвести расследование. В этом деле был замешан еще ряд священников, в том числе Артемий, некоторое время занимавший пост настоятеля Троицкого монастыря. Висковатый также подверг критике иконы, переписанные в Золотой палате и приобретшие черты «латинства» под влиянием западных образцов, которым подражали иконописцы, приглашенные из Пскова и Новгорода и пользовавшиеся покровительством Сильвестра и митрополита Макария, а в конечном счете снискавшие одобрение самого Ивана. Действительно, на одной из икон был изображен Бог-Отец, что противоречило традициям православной иконописи²¹. Однако царь не согласился с критикой со стороны Висковатого избранных Сильвестром тем и стиля, так что на дьяка за его необдуманное начинание было наложено трехлетнее церковное наказание (*епитимья*), а обвинение в ереси с Сильвестра снято.

Инцидент с иконами разрешился, но дело так называемых еретиков было подвергнуто Церковным собором всестороннему расследованию. Артемия, чье пребывание в должности настоятеля Троицкого монастыря продлилось не более полугода из-за излишней терпимости, обвинили в недостаточной суровости при осуждении еретиков и приговорили к заточению в Соловецкий монастырь. Вскоре после этого он бежал, несомненно, с помощью своих сторонников в монастыре, и обосновался в Литве, где проявил себя как верный исполнитель заветов православных заволжских старцев. Более опасные еретики, Башкин и Федор* Косой, были приговорены к заключению в Волоколамском монастыре, где Башкин и умер, а Косому удалось бежать в Литву. Ни сама ересь, ни гонения на нее не имели серьезного значения. Тем не менее это было

* Феодосий.

первое преследование за ересь, в котором молодой царь принял личное участие, сделав первый шаг по пути нетерпимости и использования карательных механизмов власти²².

По Ивановым меркам Висковатый отделался относительно легким наказанием. Однако следует задаться вопросом, не был ли реальной мишенью этих нападок (как в случае суда над еретиками, так и в вопросе о новых веяниях в иконописи) митрополит Макарий и не стоял ли при этом за Висковатым сам Иван? Возможно, цель заключалась в том, чтобы вернуться к спору на Церковном соборе по поводу статьи 98 Стоглава относительно разграничения церковной и светской юрисдикций в пределах новых и старых предместий (*слобог*). Если слободы основывались архиепископами, с них не собирали налоги в царскую казну, в то время как с принадлежащих священникам — собирали, дабы не побуждать налогоплательщиков к смене местожительства ради уклонения от уплаты. Собор решил, что митрополиты и архиепископы, которые сохраняют свои уже существующие права юрисдикции, в будущем воздержатся от создания новых пригородов и перевода тягловых людей в свои старые слободы. Фактически это был способ ограничения церковных доходов и негласная победа царя над церковью²³. Однако надеяться на ее развитие путем конфискации церковных имуществ через Церковный собор было нереально. Тем не менее Иван мог затаить обиду на скрытое противодействие митрополита по данному конкретному вопросу государственно-церковных отношений²⁴.

В следующем, 1554 году, согласно более позднему летописному сообщению²⁵, были обнаружены новые доказательства подлинности посягательств на порядок наследования во время болезни Ивана. Они выявились в результате попытки князя Семена Лобанова-Ростовского бежать в Литву летом 1554 года. В июле он был задержан на границе, арестован, допрошен и подвергнут пыткам. Ростовский объяснял свое намерение бежать собственным скудоумием и недостатком средств к жизни, которые заставляли его праздно и бесцельно проедать царские пожалования и семейное наследство. Невозможно установить, был ли он зачинщиком заговора, но, как и многие русские князья и бояре, он знал о существовании другого политического устройства, принятого в Литве, где люди его звания имели право участия в выборах короля. Его слуги подтвердили, что он дурно отзывался о царе, имел крамольные сношения с польско-литовскими послами в России во время перегово-

ров о перемирии и советовал им не заключать мира. Он снабжал литовцев сведениями о состоянии в стране и говорил им, что царь не сумеет удержать захваченную Казань. Он чернил даже царицу, жалуясь на то, что царь унижает княжеские роды, отказываясь назначать их представителей на высшие посты и окружая себя молодыми людьми, что он преследует Рюриковичей и возвысил раба, женившись на дочери нетитулованного боярина²⁶. «*Можем ли мы служить своей сестре?*» — восклицал он. Из последовавших далее событий явствует, что под пыткой он выдал многих бояр и других лиц как соучастников заговора против маленького царевича Дмитрия во время болезни Ивана в 1553 году²⁷.

Иван собрал трибунал, состоящий из членов его личного Совета²⁸, чтобы расследовать крамольные намерения Ростовского и судить его, и тогда Ростовский (согласно новой версии, содержащейся во вставке в летопись) признал, что вместе с многими другими он собирался покинуть Россию во время царского недуга в 1553 году, когда казалось, что нужно выбирать между родичами царевича Дмитрия Захарьиными и Владимиром Старицким. Он назвал многих заговорщиков, в том числе самого Владимира, который приглашал Ростовского к себе на службу²⁹. Упоминалось также имя тестя Иванова брата Юрия. Когда царь оправился от своей хвори, Семен Ростовский попытался скрыть факт заговора, но, опасаясь быть выданным, решил бежать в Литву. Этот поступок он объяснял традиционным «правом выезда» бояр на службу к другому государю; великие князья, начиная с Ивана III, отвергали это право. Царь и бояре приговорили Семена Ростовского к смерти, но на месте казни он был помилован по просьбе митрополита Макария и других церковных иерархов. Наказание ему заменили заключением в тюрьму при Белозерском монастыре.

Тем не менее доказательства того, что в 1553 году действительно имел место серьезный заговор против царя, оставили в душе Ивана след и усилили его недоверие к окружавшим его князьям и боярам³⁰.

Понятно, что Захарьины не располагали достаточным весом при дворе, чтобы сокрушить партию Старицких, и в 1554 году Иван без лишнего шума исключил ряд ее членов из Боярской думы, хотя в 1553 году они сохранили верность³¹.

В изложении этих событий примечательной является также разница между более спокойным тоном раннего рассказа о болезни Ивана и ее последствиях и взволнованным характером позднего рассказа³².

Наконец о присутствии или отсутствии Макария у предполагаемого смертного ложа вообще нигде не упоминается³³. Абсолютно невероятно, чтобы он отсутствовал все это время, потому как по чину должен был присутствовать. Поэтому отсутствие упоминания о нем может указывать на некоторое намеренное утаивание, которым сопровождается описание этих событий в летописях.

Смута, связанная с вопросом о переходе престола к Дмитрию, и последовавшая за ней смерть ребенка оставили свой отпечаток на сердце Ивана. Первоначально у него могло возникнуть недоверие к Захарьиным, которые слишком поспешно смирились с мыслью о неизбежной смерти царя и стали требовать принесения присяги младенцу Дмитрию. Но ввиду полного отсутствия доказательств среди историков нет согласия относительно установившегося баланса сил при дворе. Согласно одному сообщению, некоторые члены семьи Анастасии утратили свои должности в середине 1550-х годов, и в Боярскую думу был назначен ряд князей. С другой стороны, похоже, что кризис усилил позиции Адашева. Обычно говорят, что Сильвестр делил с ним власть, но все сведения об этом восходят к более позднему времени. Они заключены в обличениях, направленных против священника в письме царя 1564 года к Андрею Курбскому, и в летописной вставке конца 1570 — начала 1580-х годов, где сказано, что в 1553 году Сильвестр был у царя в великой милости, что он был всемогущ, отдавал повеления митрополиту и военачальникам и фактически заправлял всем. Эти утверждения содержатся и в одной летописной записи начала семнадцатого века³⁴. Безусловно, Адашев принимал активное участие в дипломатических спорах этих лет, так как его имя обычно упоминается в этой связи вместе с именем дьяка Ивана Висковатого. Считается, что в обязанности фаворита входило докладывать царю, записывать его решения и следить за их исполнением, а также обнародовать составленные по конкретным случаям указы³⁵.

Новые и более серьезные изменения в принципах набора на военную службу в России, повлиявшие на формы землевладения, были вызваны к жизни, вероятно, чрезвычайным напряжением сил и средств, связанных с взятием Казани и последовавшим за ним установлением мира на прилегающих территориях, а также с распространением русских притязаний на присоединение Астрахани. Закрепление русских в Казани и предполагаемый поход на Астра-

хань создали большой спрос на людские ресурсы. В Казани русским предстояло выдержать борьбу с местным населением и изгнать из города и его окрестностей большое число коренных обитателей. В 1550 году, во время похода на Казань, Иван обратился к Макарию в Москву с рядом вопросов, многие из которых относились к проблемам военного устройства, и по ним можно судить об образе мыслей царя. Обсуждались различные мероприятия, в дальнейшем далеко не все осуществленные. Среди них продолжение реформы местничества, недостатки которого в военное время становились очевидными; решение проблемы монастырской земли в соответствии с постановлениями Стоглава и создание вооруженных кордонов на границах с Литвой, «Германией» (то есть Ливонией) и татарскими ханствами для поимки беглых, для защиты от набегов и для противодействия контрабанде.

Поражает, с каким рвением стражи русской границы задерживали в это время всякого, намеревающегося бежать за рубеж, чаще всего в Литву³⁶.

Иван поднимал и другие важные вопросы, такие, как необходимость хранить записи (в виде книг) о размерах и качестве аллодиальных³⁷ земель, как пахотных, так и луговых, о наличии в них рек, озер и т.п. Подобные же записи следовало вести относительно служилых земель. Наконец Ивана не менее беспокоила судьба служилых наделов в случае смерти помещиков; он предлагал всевозможные варианты решений этой проблемы, преимущественно основанные на том, чтобы принуждать вдов выходить замуж за новых собственников, если по возрасту они еще могли иметь детей, а если вдов не оставалось, то их обязаны были заменить их сестры или племянницы. Если же вдова оказалась бы слишком стара, то, по мнению Ивана, ее надо помещать в монастырь, а новому владельцу надела следовало заботиться о ее семье и детях; если же вдова не пожелала бы становиться монахиней, то ей должно было дать достаточно земли для пропитания, а имение отчуждить в пользу царя³⁸. Задавая свой последний вопрос, Иван выражал пожелание провести обзор всей имеющейся в его распоряжении и уже пожалованной земли, чтобы в будущем не возникало споров по поводу земель и вод. Никаких свидетельств того, что эти вопросы обсуждались с боярами или с кем бы то ни было, не сохранилось, имеются лишь соответствующие указы.

Какими воинскими талантами обладал царь и насколько он зависел от своих полководцев? Этот вопрос напрашивается потому, что 1550-е годы стали временем больших перемен в социальном устройстве русского войска, его техническом оснащении и способах ведения боя. Дворянская конница оставалась необученным родом войск, который сражался неорганизованно и сильно страдал от неявки личного состава. Всадники могли воевать и в спешенном порядке. Стрельцы носили мундиры, были одинаково вооружены и обучены. Их служба была наследственной, в уплату за нее им давали земли. В мирное время они занимались разными ремеслами. Для защиты стрелков и артиллерии использовался *гуляй-город* — подвижное укрепление, иногда весьма крупных размеров, которое по-прежнему входило в арсенал русской наступательной тактики. Войско обычно делилось на пять главных полков — передовой, средний, тыловой, на левое и правое крыло. Ими командовали воеводы, строго соблюдавшие порядок местничества, создававший массу трудностей, когда старшие начальники отказывались подчиняться способным полководцам низшего ранга. Для царя стало обыкновенным приказывать служить *без мест*, чтобы обеспечить возможность назначать людей по своему выбору³⁹.

В 1555 году улучшилось финансирование военных нужд: был издан указ, предписывавший вернуть прежним владельцам (помещикам и крестьянам) все их земли и сельскохозяйственное имущество, которое было насильственно отнято у них монастырями в уплату долгов или путем незаконного захвата; земли, подаренные монастырям боярами, следовало возвратить тем собственникам, которым они принадлежали на момент смерти Василия III. Очевидно, это была попытка отобрать часть земель у монастырей, хотя вряд ли это можно назвать победой нестяжателей. В свою очередь, князьям — собственникам земель в ряде княжеств запрещалось без разрешения царя продавать или закладывать свои земли, передавать их монастырям под угрозой конфискации; аллодиальные земли, отданные монастырям, следовало вернуть и использовать как служилые. Эта политика была особенно направлена на наведение порядка в тех областях, где было много князей правящей династии, или на территориях, относительно недавно присоединенных (таких, как Тверь и Рязань).

Однако наибольшие изменения в организации военной службы и форме землевладения были внесены указом от 20 сентября 1555 года,

названным Уложение о службе и вошедшим в состав указа, отменяющего кормление. Уложение ставило обязанности военнослужащего в зависимость от количества полученной им в виде поместья земли и закрепляло статус русского конного войска как централизованно набираемого корпуса, находящегося на государственном довольствии в виде доходов с земли, а во время несения службы — на денежном. Стандартное поместье, которым наделялся каждый служилый дворянин, состояло из 100 четвертей земли (четверть — это примерно полгектара) и обеспечивало полное снаряжение всадника, включая броню, на сумму 4,50 рубля. Существовало шесть разных степеней пожалования земли, начиная от 100 четвертей и до 350. Эта система требовала знания точного объема земельного фонда, так что для определения количества принадлежащей царю земли была организована земельная перепись. Одним из главных новшеств, внесенных Уложением о службе, стал принцип «вся земля должна служить». Князья и бояре являлись безусловными собственниками своих аллодиальных земель (первые в качестве потомков суверенных государей). Как было сказано в Летописи о начале царства, государь «с вотчин и с поместья уложенную службу учини же».

Этому фундаментальному изменению статуса аллодиальной земли и в этой связи новым взаимоотношениям бояр с короной было уделено на удивление мало внимания как представителями тогдашней аристократии, так и русскими и советскими историками. До начала пятнадцатого века бояре теоретически имели право выходить из услужения русскому великому князю и забирать свои земли с собой, хотя позднее они решались на это очень редко. Этот обычай означал отсутствие у великого князя права собственности на их владения. Следует заметить, что сами русские великие князья настаивали на праве литовских князей переходить из литовской на русскую службу вместе с их землями. Для Европы это было несколько необычно, так как короли в основном пытались утвердить свое остаточное право собственности на землю и зачастую добивались успеха (например, в Англии со времен Вильгельма-Завоевателя, где вся земля принадлежала королю, который распределял ее между основными владельцами). Московская Русь шаг за шагом объединялась, так что правом выезда могли теперь воспользоваться только те князья, которые рассчитывали на поддержку своих новых государей, в частности, русские князья, перехо-

дившие из русской службы в литовскую. Однако в 1555 году князья, по всей видимости, безропотно отказались от прав на освобождение своих земель от службы, хотя, именно опираясь на эти свободные земли, они могли бы противодействовать притязаниям царя. С этого момента, раз все земли должны были служить, то и их собственники тоже должны были служить, это становилось их обязанностью⁴⁰. Теперь за неисполнение служебного долга могла быть конфискована не только пожалованная земля, но и аллодиальная. С точки зрения таких мыслителей, как английские политические философы семнадцатого и восемнадцатого веков, тесно увязывавших свободу и собственность, неумение русской аристократии распознать радикальное ослабление своих позиций, с которым она так легко смирилась, указывает на поверхностное понимание ею политической действительности. Но разве не ослаблялись ее позиции еще больше отменой наследования должностей?

Сколь бы важным ни было значение этого постановления, оно не имело воплощения в конкретном законе и было попросту оглашено царским решением (*приговором*) относительно кормления и службы, которое, как считается, было составлено Адашевым, в летописях выступающим в качестве его проводника. Этим опровергается часто встречающееся у русских историков утверждение, что правовые акты того времени издавались и одобрялись Боярской думой. Крупные кормления были уже отменены в начале 1550-х годов, а новое решение было распространено на все остальные кормления простым устным распоряжением царя, а не законом, одобренным боярами. Кормление было заменено избранием местных должностных лиц, в то время распространявшимся в основном на Северную Русь. Кроме того, кормление не исчезло сразу и повсеместно⁴¹. По мнению Скрынникова, в государственной политике этого периода предпочтение не отдавалось ни боярам, ни служилой знати. Выгоду получал весь класс землевладельцев, хотя наиболее влиятельные князья и бояре при дворе неизбежно оказывались в лучшем положении в силу своей близости к царю.

Война, несомненно, сильно повлияла на Ивана, и побудительным мотивом для проведения широкомасштабной программы военных реформ середины 50-х годов мог послужить его собственный воинский опыт. В источниках имеются некоторые указания на то, кто в ближайшем окружении Ивана мог высказать подобную идею и даже проводить ее

в жизнь. Чаще всего таким человеком летописи называют, конечно же, Алексея Адашева (который мог иметь отношение к их составлению). Разумеется, потребовалось время для того, чтобы новые структуры сформировались, и опять-таки нам неизвестно, кто за это отвечал и когда в точности это произошло. Один из сегодняшних историков этого периода отмечает персональные перестановки при дворе, которые отражают новое распределение влияния. Родня Анастасии, Захарьины-Юрьевы, утратили почву под ногами, и в управлении такими областями, как Тверь или Нижний Новгород, они были заменены, одновременно с упразднением территориальных дворцов (то есть правительственных контор), дьяками, секретарями небоярского происхождения. Было назначено девять новых бояр и семь окольничих. В эти годы создаются или расширяются новые центральные канцелярии (*избы*): *Разбойная*, *Поместная*, а также *Разряд*, или военный реестр, отвечавший за призыв, смотры и развертывание служилой конницы. Это означало переход от территориального к функциональному принципу создания бюрократической машины. Тогда же митрополит Макарий утратил свое главенствующее положение, в то время как роль Алексея Адашева еще более возросла, что совпало с пиком реформаторской активности Боярской думы в 1555 – 1558 годах. Наконец середина 50-х годов стала переломным моментом в формировании самого Ивана как личности, что было связано с неизбежным столкновением мнений при русском дворе по поводу того, в каком направлении Россия должна теперь направить свои завоевательные усилия.

Русская торговля на Востоке очень выиграла от взятия Казани, за которым последовало завоевание Астрахани на Каспийском море. Русские оставили старый татарский город и перебрались в новую крепость, построенную ниже по течению. Она имела земляные укрепления и хорошо охранялась вооруженным гарнизоном. Рядом был возведен монастырь для духовного попечения о русском населении. Вследствие конфликта между двумя ветвями ногайских татар одна из них признала власть Москвы, а другая перешла к туркам-османам.

В 1556 году русские войска свергли хана и присоединили Астрахань, что приблизило русские границы к территории Порты, которая стала проявлять озабоченность ввиду многочисленных набегов донских казаков, днепровских казаков во главе с князем Д. Вишневецким, союзником Ивана IV, и различных черкесских племен⁴².

В руках русских находилось теперь все Поволжье, и они могли контролировать каспийскую торговлю.

Русская торговля на Западе сталкивалась со значительными препятствиями, поскольку торговые пути проходили через потенциально враждебные земли, а именно Польшу-Литву и Ливонию, причем существовала опасность получения удара сзади, из Швеции, а еще западнее приходилось платить за пересечение Зундского пролива и преодолевать противодействие городов Ганзейского союза. Свобода торговли приобретала для России чрезвычайную важность ввиду растущей потребности в снаряжении, боеприпасах и средствах их изготовления.

Россия не только была вынуждена платить пошлины — провоз товаров мог быть вообще запрещен, так же, как могло быть категорически отказано в проезде русским послам, отправляющимся в западные страны для проведения дипломатических переговоров, и специалистам-ремесленникам⁴³.

Иван, в свою очередь, хотел обеспечить себе более безопасное сообщение с Западом (хотя свидетельств о его заинтересованности именно в выходе к морю не сохранилось), а также стремился привлекать специалистов из-за границы. Их выезду могли препятствовать, как показывает хорошо известный случай с вербовщиком Хансом Шлитте.

Шлитте был купцом из Гослара в Саксонии и торговал на широкую ногу с псковским наместником. Однако его предприятие в России разорилось, он попал в Москве под арест и впоследствии был казнен. Осенью 1549 года Шлитте убедил императора Карла V дать ему рекомендацию к царю, чтобы попытаться вернуть конфискованное у него золото, обещая найти для Ивана опытных мастеров литья тяжелых пушек и инструкторов по их использованию. Доводы Шлитте были столь убедительны, что Иван предоставил ему, со своей стороны, рекомендацию для Карла V, и предприимчивый торговец превратил ее в верительную грамоту, удостоверяющую его полномочия как аккредитованного агента Ивана. Вся эта история становилась все более и более запутанной по мере того, как она оказалась связанной с надеждами Карла V на обращение русских и еще до этого с усилиями ливонского представителя на Аугсбургском сейме 1547 года помешать поставкам любого вооружения в Россию. Любек также оказался втянут в мероприятия по расстройству планов Шлитте, направленных на

снабжение Ивана оружием, и запретил погрузку на судно завербованных им многочисленных специалистов. Ливонцы в то же самое время пытались перехватить их на море. Шлитте был арестован в Любеке за долги и обратился к императору, тогда гроссмейстер Ливонского ордена также апеллировал к Карлу, и тот на сей раз поддержал гроссмейстера, поскольку Шлитте действовал не от имени Ивана, а по собственной инициативе. Вся эта история не только запутанна, но и комична, и ее отголоски имели место в 1570-е годы.⁴⁴

Категорически против того, чтобы русские ездили на Запад через их земли, были правители Ливонии. В 1551 году они предупреждали императора Карла, что все соседи царя страшатся его, склоняют перед ним головы и что ливонцы боятся подпасть под его *grausame Gewalt* (жестокое насилие) и быть вынужденными сменить свою веру. Если художники и ремесленники получают разрешение стекаться в Россию, говорили они, то за ними последуют тысячи злокозненных анабаптистов, реформатов и прочих изгнанников из германских земель. Пока что в 1554 году Иван довольствовался возобновлением существовавшего перемирия с Ливонией при условии выполнения обязательств по выплате дани, якобы взятых на себя ливонцами еще в 1503 году, а также восстановления православных церквей, разрушенных наряду с католическими храмами лютеранскими фанатиками в Ливонии. Переговоры вели Алексей Адашев и Висковатый. Допускался свободный ввоз и вывоз товаров в Россию, но ливонцы все еще отказывались предоставить свободный доступ туда иностранцам⁴⁵.

Заинтересованность Ивана в прямом сообщении и торговле с Западной Европой летом 1553 года была подогрета совершенно неожиданным прибытием на берега Белого моря английского капитана Ричарда Ченслера, искавшего северный путь в Индию. Его экспедиция финансировалась группой английских купцов с одобрения правительства и имела письмо короля Эдуарда VI, обращенное ко «всем королям, князьям, правителям, судьям и наместникам на земле» в надежде отыскать новый северный путь по морю в Индию, недоступный для контроля со стороны испанцев и португальцев. Были снаряжены три судна, но два из них потерпели крушение в море⁴⁶. 24 августа 1553 года корабль Ченслера «Благое предприятие» пристал к берегу близ устья Северной Двины, впадающей в Белое море, и местные рыбаки сообщили капитану, что он находится во владениях русского царя. Северный путь в

Россию был уже известен, но Ченслер оказался первым англичанином, прибывшим по нему в Россию. Встречен он был русскими приставами и в ноябре препровожден в Москву. Здесь письмо Эдуарда VI открыло ему доступ к царю, и когда в феврале 1554 года Ченслер отправился в Англию, с собой у него было послание Ивана к Эдуарду, содержащее согласие на посещение русских портов новыми кораблями англичан и объявляющее о желании царя начать переговоры об условиях торговли между двумя странами.

С самого начала Ченслер смотрел на жителей этой непонятной страны как на «русских варваров», хотя по сравнению с послами Московской компании более позднего времени он был лишен многих предрассудков. Он путешествовал на Ближнем Востоке, возможно, бывал во Франции и не был столь высокомерен, как большинство англичан-протестантов. Ченслер составил первое, во многих отношениях наиболее проникательное и доброжелательное из всех описаний России, авторами которых были англичане, и рассказал о русских товарах, торговле, системе мер и весов. Его отзыв о Северной Руси резко контрастирует с той картиной запустения, которую нарисовал в своих записках тридцать лет спустя Джильс (Джайлс) Флетчер.

Ченслера поразили не красоты Москвы, а ее размеры, на него произвел слабое впечатление Кремль, общественные здания в котором были лишены тех внешних украшений и внутреннего убранства, которые были характерны для Тюдоровских дворцов. Но когда он, наконец, был принят при дворе, то увидел, что в России носят богатые наряды, а не развешивают их по стенам.

Сотня придворных, встретивших его, были с головы до пят одеты в золоченые одежды, а в палате для аудиенций Иван сидел на высоком троне в «золотой короне или *guagеме*, одетый в целиком изготовленный ювелиром наряд», держа скипетр, инкрустированный драгоценными камнями, в окружении своих главных сподвижников и членов его Совета, а по бокам у него стояли два лица, ответственные в то время за международные отношения России и Запада (вероятно, Алексей Адашев и Висковатый). Богатство и величие царя глубоко впечатлили Ченслера. После обмена формальностями он перешел в соседнюю комнату, где находился в обществе Алексея Адашева, а затем был приглашен в Золотую палату на пир, по обыкновению начавшийся с жареного лебедя⁴⁷. Иван был уже переодет в платье, вытканное серебром, и его

голову венчала уже другая корона. Еда подавалась на золотых блюдах, скатерти были белоснежными, а в середине зала находился «большой шкаф» со старательно расставленной золотой и серебряной посудой. Ченслера поразили также тот факт, что Иван при наделении каждого из своих гостей и дворян хлебом называл их всех по именам⁴⁸.

Подобно Христофору Колумбу, Ченслер отправился на поиски одной страны, а нашел другую, в данном случае Россию. Однако главной задачей английского Товарищества торговых предпринимателей, финансировавшего его путешествие, была торговля, и Ченслер наилучшим образом воспользовался открывшейся возможностью. Правда, когда он вернулся домой, письмо, адресованное Эдуарду VI, пришлось вручить королеве Марии I. С точки зрения Ивана, высадка Ченслера на Белом море показала, что прямой путь на Запад существует, хотя он и опасен для моряков, но зато подвержен угрозе с моря только со стороны Дании-Норвегии. Доступ в Священную Римскую империю, Италию и на Запад оставался рискованным.